

А. И. Богомолов

Советско-германские отношения осенью 1918 г. глазами немецкого журналиста в Москве и в Берлине

Вильгельм Вёльфинг, в 1918 г. начальник московского филиала Иностранного отдела Верховного главнокомандования, в своих воспоминаниях писал: «Среди немцев, которые прибыли тогда в Москву, находились два известных журналиста — Альфонс Паке от «Франкфуртской газеты» и фон Фосс, издатель «Восточного экспресса» из Берлина. Из моих бесед с ними я установил, что первый прибыл в Москву с предвзятым антибольшевистским мнением, другой — с благосклонным отношением и желанием поучиться. Через несколько недель я вынужден был убедиться, что они под впечатлением того, что здесь видели и слышали, поменялись точками зрения. Паке под воздействием идеалистической стороны коммунистической идеи стал сторонником мирного сосуществования, как бы назвали его сегодня, в то время как Фосс превратился в убежденного антибольшевика»¹.

Альфонс Паке (1881–1944) — пацифист, журналист и писатель, личность любопытная и неоднозначная. Современная исследовательница, в противоположность очевидцу, называет Паке антибольшевиком: «В отличие от многих коллег, допущенных в первые годы советской власти в Россию, Паке не симпатизировал революции, более того, он не скрывал своего неприятия большевистских методов борьбы и «революционных» преобразований»². При этом она ссылается на дневниковую запись самого Паке: «Советские политики были недовольны содержанием корреспонденций, в советской прессе печатались протесты против деятельности Паке, а Радек, как о том свидетельствует запись

в дневнике Паке от 10 сентября, однажды выразил всеобщее недовольство следующим образом: «Благодарите Бога, что Вы не русский. Если бы не это, я приказал бы расстрелять Вас за Ваши статьи. Можете не сомневаться»³. Аргумент не слишком основательный, поскольку в том же дневнике записи за октябрь и ноябрь того же года свидетельствуют о вполне дружелюбном отношении к Паке того же Радека. Как бы то ни было, Паке смог не только уцелеть, но и сохранить добрые отношения как с К. Радеком, так и с В. В. Воровским, благодаря чему имел доступ к такого рода информации и мог бывать в таких местах, куда другим иностранцам путь был заказан.

В Германии Альфонс Паке считался специалистом по России. Еще в 1903 г. он, не владея русским языком и не располагая контактами в России, отправился в поездку по Транссибирской магистрали. В 1908 г. Паке в качестве корреспондента *Frankfurter Zeitung* и по поручению географического общества города Йены вновь отправился в путешествие по Сибири, Монголии и Китаю. В 1909 г. вышли сразу две книги, основанные на впечатлениях от этой поездки, — сборник корреспонденций «Азиатские трения» и географическое описание «Южная Сибирь и северо-западная Монголия». Первая мировая война препятствует поездкам Паке в Россию, но русская тема по-прежнему присутствует в его художественных произведениях, публицистике и в газетных статьях. Во время войны круг источников информации немецкой печати о положении в России вынужденно ограничился подцензурными газетами стран Антанты. Тем выше ценилась любая «неофициальная» информация: от военнопленных, из частных писем, полученная через личные контакты. Паке таковыми располагал. В качестве знатока России Паке отправляется в 1916 г. специальным корреспондентом *Frankfurter Zeitung* в Стокгольм, где тогда находился «важнейший пост наблюдения за происходящим в России». В Стокгольме Паке удалось завязать знакомства с Карлом Радеком и В. В. Воровским. Эти контакты очень помогли ему позже, когда в 1918 г. он отправился в Россию.

Паке пробыл специальным корреспондентом *Frankfurter Zeitung* в Москве пять месяцев — с конца июня по конец ноября 1918 г. Он оставался в стране даже после прекращения дипломатических отношений между Россией и Германией в начале ноября и отъезда немецкой миссии. Положение Паке во многом было уникальным. Он не только первым из немецких журналистов получил визу в послереволюционную Россию; помимо своей журналистской деятельности он фактически выполнял функции пресс-атташе немецкой дипломатической миссии. Историк В. Баумгарт полагает, что ему принадлежит авторство многих дипломатических депеш из Москвы — таким образом, он оказал значительное влияние на мнение правительственных кругов Германии о положении дел в Советской России. «Сравнение официальных бумаг с дневником позволяет во многих случаях доказать, что отдельные формулировки или даже полный текст телеграмм, подписанных Рицлером или, позже, генеральным консулом Германии Хаушильдом, восходят к Паке»⁴.

Дневниковые записи Паке опубликованы почти полвека назад⁵. Проблема в том, что опубликованы они не полностью, выборочно, и не всегда можно установить, а что же было исключено из опубликованной версии. Приведенный здесь перевод сделан по фрагментам дневника, опубликованным западногерманским историком В. Баумгартом в 1968 г. в номере журнала, посвященном юбилею Ноябрьской революции 1918 г. Естественно, В. Баумгарта интересовало не столько восприятие немецким журналистом последствий Октябрьской революции в России, сколько его взгляд на события октября–ноября 1918 г. в Германии. Впрочем, милостью западногерманского публикатора (и благодаря самому Паке, который позволяет себе в дневнике несколько больше откровенности и несколько меньше однозначности, чем в газетных корреспонденциях), здесь можно найти как впечатления немецкого журналиста о Москве осени 1918 г., так и его взгляд на события в Германии через призму его же «российского» опыта. Этот взгляд далек от однозначно-контрреволюционного. При всем отторжении, которое у него вызывают революционные методы и нравы (странно было бы ожидать чего-то иного от убежденного пацифиста и будущего квакера), сама перспектива революции, нового мира и нового общества его явно завораживает, доводя до ссор с «простодушными соотечественниками», настроенными явно антибольшевистски. Во всяком случае, «рорбаховская политика» Германской империи, — а в особенности ее исполнители и ее результаты, — вызывают у него ничуть не больше симпатии. «Геополитические» размышления самого Паке, записанные им по горячим следам после общения с большевистскими вождями и с германскими дипломатами, производят впечатление гремучей смеси идеалистического евразийства и рационального прагматизма; вместе с тем они наводят на мысль о том, что почва для соглашений в Рапалло начала формироваться еще в 1918 г., и автор дневника — один из тех, кто стоял у корней этих процессов.

Приложение

Из дневника Альфонса Паке (Москва–Берлин, 1918 год)

Среда, 25 сентября. <...> Я размышляю неторопливо, получаю чувственные впечатления, и только затем наполняю их по капле сочащейся кровью мыслей, которые, наконец, уже в оформленном виде возвращаю к жизни. Мне кажется, в эти дни болезни и покоя я приближаюсь к основе, к пониманию, что значит быть социал-демократом. Многое тогда стало бы мне более или менее ясно. Я думаю о золотом шпиге здания рейхстага. <...>

Воскресенье, 29 сентября. Довольно тревожные известия с родины. <...> Много думал о том, как там дома. Большое искушение выехать. Пытаюсь подавить свое беспокойство. Испытываю боль за судьбу страны, но в то же время облегчение от того, что дело наконец сдвинулось с мертвой точки.

Радек⁶ говорил сегодня еще раз, что он уже видит, как однажды германские и русские рабочие откроют совместный фронт против англо-американского империализма. Он собирается действовать совместно с нами. <...>

Вторник, 1 октября. <...> Этот день принес плохие новости из Берлина; конечно, телеграммы дают искаженную картину. Хуже газетной хроники. Заключение сепаратного мира с Болгарией; «Известия» пишут: «Германия на пороге революции». Серьезный, высокий, трагический момент — события развиваются с бешеной скоростью буквально на глазах у всех. Кажется, все на самом деле потеряли голову. Что за правительство будет создано? Сейчас такой момент, когда новая политика может прекратить войну, но не вооруженное насилие. И в этот момент, когда в России для политики открыт путь во все стороны — до самой Японии — но также и для серьезного разговора с большевиками, — здесь отсутствует ответственный дипломатический представитель, нет вообще хоть какого-то политика. Вот то, что приходит в голову. В Берлине, кажется, все просто слоняются туда и сюда по кабинетам и готовятся к расплате. Здесь говорит Радек: «Вы ощутите на себе, что такое Брестский мир... Будь вы благоразумнее, вы бы сами отказались от аннексий и заключили союз с Россией...» До этого нам еще далеко. Мы еще не разделили судьбу России... Но крах циничной рорбаховской⁷ политики⁸ мы уже испытываем в полной мере.

Странно, я чувствую себя как будто не затронутым всем этим; полон священной сосредоточенности и глубокой уверенности в том, что сейчас наступит перелом... Очень хорошо и как будто так и задумывалось, что я сейчас, вот именно сейчас, возвращаюсь на родину. Приеду сюда еще раз. Потом, может быть, меня отправят еще раз <...> И в конце концов снова покой, труд, родина.

Те, на фронте, были доблестны, и вот мы видим конец их доблести. Мы, за границей, были верны и стойки, и вот мы видим конец нашим страданиям, нашим унижениям. <...> Лишенный вождей, избитый, стонающий народ на родине! Скверно вознагражденный за твою веру, твою доблесть, твою верность,

твои жертвы. Жертва десятилетних заблуждений. Жертва накрахмаленных воротничков, надменности высшей касты... После столь долгих лет испытаний наступает момент наивысшего накала в огненной печи. Твое доверие твоим идолам поколеблено, деревянные, прибитые гвоздями изваяния повергнуты. Что же теперь? <...>

Среда, 2 октября. Сообщения о плохом положении на фронтах в телеграммах «Miltamt»⁹ из Берлина: очевидно, рассчитано на то, чтобы обрисовать народу всю серьезность положения, которое позже может только улучшиться, и предостеречь от беспорядков. Много работы с расчетом телеграмм и т.д. Вёльфинг¹⁰ воспринимает отказ со стороны духовенства с неудовольствием, т[ак] к[ак] об этом уже сообщили в Ставку. Я направляю его к вмешательству публикациями, которые компрометируют патриарха¹¹. Но если из этого ничего не выйдет — это только к лучшему.

Что мы должны сделать с прежними вещами: сейчас, посреди внешней катастрофы, Германии следует начать с того, чтобы победить морально, — отвечать всё, что потеряла ее мировая репутация из-за вражеской пропаганды. — Об этом во второй половине дня разговор с Радеком, который вчера два часа говорил с Лениным. Чичерин¹² считает, что сейчас то же самое скоро начнется и в романских странах. Если Германия продержится еще несколько месяцев и положит собой начало (слава богу, не *английской* революции!!! А европейской, которая приведет к великому объединению против Америки), тогда полыхнет и во Франции. Но Германия уже давно, в области техники и организации, революционный народ. Только ее интеллект придает ей еще робости; яичная скорлупа преклонения перед старой иерархической системой, прусской системой, которая защищена категорическим императивом. — Балабанова¹³ поедет (в пятницу) с большими денежными средствами в Швейцарию, [налаживать] связи с итальянскими и французскими социалистами... Германия призвана быть ведущим, в высшей степени революционным народом, создающим новый порядок.

Чтобы восстановить из руин всё то, что разрушила война, потребуются организаторские гении, какими и являются немцы. Возможно, Радек в ближайшие дни поедет в Берлин, — не для того, чтобы агитировать, а для ведения переговоров между правительствами (без посредников). Советская республика — наша стража на востоке, мы — их стража на западе <...> Парадоксальное положение, которое подталкивает к определенному решению. Нам нужен здесь как можно быстрее если не посол, то хотя бы какая-то политически полномочная фигура <...>

Присылаемая Иоффе¹⁴ из Берлина информацией недовольны, она очевидно не содержит ничего существенного, в основном пересказывает свежие сплетни. «Иоффе не революционер», а мелкий буржуа. Радек хотел бы сам отправиться в Берлин. Кто знает, не сыграет ли он какую-то роль у нас. Кайзер, который призывает Эберта на пост министра¹⁵ <...> Насколько всё устойчиво? <...>

Против стальных объятий англо-американского капитализма более молодой германский не устоял: теперь Германия станет ведущим народом и в политической области <...> и все упреки, которые могут быть выдвинуты против него, которые враждебные народы могли воплотить в войне против Германии, теряют силу. Никакой «Центральной Европы» («Mitteleuropa») не возникнет, однако всё же опирающаяся на поддержку Германии Европа, — от Ла-Манша до Урала, от Нордкапа до Сицилии <...> Единственный европейский флот — германский, совместно с флотами других стран <...>

Четверг, 3 октября. Тревожные известия с родины. Приготовления к отъезду. В 3 пополудни у Радека. Его кабинет закрыт. Встречаю Вознесенского¹⁶, который заводит меня в свою комнату. <...> Говорит, сегодняшний день войдет в историю: ночью до 4 часов заседал Совнарком, который решил к 4 часам пополудни созвать совместное заседание ЦИК, Московского Совета и профсоюзов по вопросу о ситуации, сейчас это заседание идет в Большом театре. Предстоит решить, — либо сейчас Советская республика должна оказать помощь революционным германским рабочим массам и совместно с ними бороться против англо-французов, — либо, если рабочим сейчас в Германии не удастся войти в правительство (вхождение Шейдемана в состав правительства этого еще не означает), тогда оказать помощь болгарским и австро-венгерским массам <...> Радек переживает берлинские события с большим напряжением. Рассказывает о сильном впечатлении от сегодняшнего заседания, содержания писем Ленина и последовавших за этим докладов Радека и Троцкого. На основе письма будет принята резолюция. Письмо Ленина: германский империализм рухнул. Ни военная диктатура, ни парламентское правительство не в состоянии справиться с возникающими задачами. Рано или поздно, но в Германии должно прийти к власти чисто рабочее правительство. Не исключено, что темпы развития в Англии [и] Америке замедлятся, так что англо-американский капитал попытается сделать [с] германской революцией то же самое, что германский капитализм сделал с Россией. Антанта в течение какого-то времени будет побеждать и оказывать сильнейшее давление на Россию. Исходя из этого, Советское правительство должно немедленно предпринять все меры, чтобы уже сейчас полностью осуществить и даже удвоить военную программу, которая предусматривала к весне доведение армии до численности в 1 миллион человек. (Читай: до 3 миллионов. Однако в настоящее время не хватает оружия и снаряжения. В данный момент переговоры с нами [о поставке] 100 000 винтовок пока без результата <...>) Следует немедленно сформировать неприкосновенные запасы продовольствия, — 1) чтобы отразить усиленное наступление Антанты на Россию, 2) чтобы быть готовыми прийти на помощь революции германских рабочих, в том случае, если она подвергнется нападению англо-американского капитализма <...>

Мы убеждены, что Брестский договор будет ликвидирован крахом германского империализма и германским рабочим классом... Мы накануне великих

битв, в которых мы будем сражаться плечом к плечу со всеми рабочими мира, которые восстанут против капитализма. Надо спокойно и беспощадно продолжать организацию рабочих (т.е. открытая денонсация § 2 (параграфа о прекращении агитации. — А. Б.) Брестского договора). Каждый день предоставляет нам возможность разворачивать наши силы (всеобщая мобилизация была объявлена Вацетисом¹⁷ сегодня) для нашего дела и для всемирного рабочего класса. Богатые ресурсы и людские массы России и организаторский талант германского рабочего класса исцелят этот погрязший мир. — Письмо воспринято с большим энтузиазмом. Некоторые, как Бухарин, чуть не прыгали от радости. Затем письмо будет обосновано речью Радека об общем положении дел и речью Троцкого о военных задачах. Резолюция в 7 часов: принимает и конкретизирует ленинский тезис. (Удивительно, как мало дискуссий. Практически никого это не беспокоит. На сегодняшнем заседании абсолютно лидирует тройца — Ленин, Радек, Троцкий.) — <...> О домашних делах <...> Собравшееся там общество уже приветствует меня как будущего германского революционера! <...>

Среда, 9 октября. В Берлине. Настроение краха¹⁸. На обеде у Рицлеров¹⁹. <...> Разговор с Гервартом²⁰, который полностью опустошен и пессимистично объясняет: *lever en masse*²¹? Мы его имеем с 1914 года <...> Долгий разговор с фон Штюльпнагелем²², которому я обрисовал альтернативу: если немедленное заключение мира, тогда ориентация на Запад. Германия на правах младшего участника принимается в капиталистическо-империалистский союз англосаксов. В противном случае — нарастающая радикализация и большевизм. — Вечером в русском посольстве <...>

Пятница, 11 октября. Утром на Франкфуртском центральном вокзале. Сцены: почти пустой зал. Экспрессы из-за опозданий все отменены.

По дороге умирающий военнопленный. Какой-то связанный по рукам и ногам военный (Feldgrauer), унтер-офицер, с пеной на губах, на носилках, с 4 солдатами. Двое молодых парней из 87-го полка (*zwei kleine 87er*) смотрят на это — по-большевистски: ругаются на «прусское дерьмо» («*Mistpreussen*»); должно быть, А. надоед им по горло <...> Дома Вилли²³, он рассказывает об обстановке и настроении на фронте. От передовой до Кёльна он добрался за 72 часа. Он озадачен и говорит, что на фронте всё превосходно <...>.

Пятница, 18 октября. <...> Во Франкфурте. Внешне тихие дни, но полные хлопот и волнений; понимание того, что с давними немецкими травмами покончено <...> Отец, болезненный, изломанный как все старые пруссаки, острит по поводу южногерманской демократии и злится на всё подряд. — В конце концов я уже вне себя от злости на германский народ от того, что он не заслужил ничего лучшего, чем теперь, в конце сопровождавшейся ужасными жертвами войны, оказаться нищим; потому что он был глуп, ограничен, хуже, чем безголов; его собственные фразы вбивают ему сейчас в глотку, французы и англичане со своими гнусными поговорками оказались правы. Чего еще хотеть от этой бесчестной проклятой банды. Лживая косоглазая сволочь! Рабское стадо! Тупого-

ловые! Они говорят про старого Фрица и забывают, что хоть он и был пруссаком, но лишь потому смог спасти Пруссию, что был сторонник политики Антанты, что даже его собственные враги восхищались им, французы, англичане, русские приезжали к нему, Америка его боготворила. А наши «герои» хотят победить в войне против всего мира без гения, одной лишь грубой силой. Черт бы их побрал. Я не могу больше видеть эти безрадостные, трагические «серые шинели», эти усталые, ошеломленные мужские лица. — <...> В спальном вагоне, в котором я в ночь на пятницу еду в Берлин, какой-то циничный неповоротливый парень, полуеврейский торговец, Вайсенбах (Бертольд) из Берлина, он постоянно ездит туда и сюда между Берлином и Констанцем и торгует швейцарскими часами, зарабатывает много денег и утверждает, что чувствует себя нейтралом <...> Подкупает проводницу вагона шоколадом, имеет великолепный кожаный чемодан, курит настоящие сигары, утром заказывает себе у проводницы настоящий кофе. Маленькое несимпатичное зеркальное отражение всех наших грехов. Притом он словоохотлив, щедро раздает как сигары и чаевые, так и максимы своей житейской мудрости. Конечно, также он распространяет и пораженческие слухи, и ему всё равно, если сейчас точно так же в народные массы попадет призыв социал-демократов. Ему-то всегда будет хорошо. <...>

Суббота, 19 октября. <...> Кажется, даже в консервативных кругах требуют ухода кайзера. Как раз в эти дни газеты сообщили его ответ на адрес 138 восточногерманских пасторов, где он говорит о единении между монархом и народом. Должно быть, он слабо информирован об обстановке.

Награждает старого ветерана Мумма²⁴, который не хочет возвращаться в Киев, орденом Красного Орла I степени с дубовыми листьями и мечами, чтобы этим жестом побудить его вернуться в Киев. Но старая крыса этого не сделает. — Кажется, его окружение не осмеливается сказать ему правду. <...>

Настроение полного банкротства. Злость на военных, которые три недели назад подняли панику, а сейчас, после благополучного отступления, говорят, что мы можем удержаться. Раздражение, таким образом, снова ведет в направлении политики. Вечером я в «Adlon» и вижу, в какой внешней культуре мы бездумно-уютно жили еще 4 недели назад. <...>

Безнадежная глупость МИДа в целом. Такое чувство, что они все сговорились. Завтракаю с Варнеке²⁵ и супругой в «Traube». Развиваю мысль: Мы уже в состоянии революции; немец, однако, до сих пор не революционер; германский рабочий пока еще тоже; в крайнем случае он радикально-либерален. (Откуда бы нам быть такими же: хотя у нас и были Маркс и Лассаль, но кроме них разве что Гервег²⁶; у русских же с их Достоевским, Толстым и Мережковским целая революционная литература... Русские всегда жертвовали своими жизнями, не боялись ни пуль, ни виселиц. Где такое мужество у нас?) Нам понадобится около 10 лет, прежде чем разразится революция, которая преобразит нас полностью. На это время придется (ожидаемая) американизация Европы, Германии, с колоссальным обострением классовых противоречий, сдерживанием

заработной платы (рабочих), увеличением личных состояний (капиталистов), — о чем мы раньше имели мало представления. Если мы — совместно с русскими — не станем самым революционным народом на Земле и не сделаем всю Европу социалистической, — от южной оконечности Апеннин и до лопарей на Нордкапе, — тогда мы не станем никем. Но для этого немецкому народу потребуются серьезные преобразования <...>

½-часовой разговор с новым младшим статс-секретарем МИД доктором Давидом²⁷, который назначен 3 дня назад. Его кабинет еще пустой; полки в кабинете пустые, документы он еще не принял. Читает вечерние газеты. Говорили о перспективах большевизма. О психологии, порядках, координированности, политизированности германских рабочих масс в их профсоюзных организациях. Мой визит заметно его обрадовал. <...>

Воскресенье, 20 октября. Обедали с господином и госпожой Варбург (Фриц²⁸) в «Adlon»: я вижу здесь сытых буржуа и щеголеватых офицеров, тучных, вальяжных людей, которые и сейчас все еще очень хорошо живут и как будто уже уселись в переданные им кресла (он хочет, шутливо, получить от меня совет, куда ему через некоторое время сбежать, — может быть, на ферму на американском Западе); — с Рудницким через влажный, осенний Тиргартен: по Зигесаллее²⁹, физиономии холодные, горделивые, буржуазно-высокомерные, настоящий бал-маскарад отборных экземпляров, а перед Колонной Победы³⁰ — там стоит железный Гинденбург, ужасающе безвкусный, в обветшавших трофеях, будто идол; грубый, массивный, громоздкий; словно уродливое пятно на осеннем пейзаже; солдафон с «Железными крестами». На скамейке неподалеку — полицейский офицер <...>

Немцы больше не являются народом, который мог бы править миром. Они сделали своими врагами те народы, которые освободили себя сами.

Пересмотреть. Немецкий народ и не хочет править миром, оттого ему это не удастся: вместо духа властителя ему присущи лукавство и дух превосходства, полицейский мундир заменяет лишь чрезмерная тяга к упорядочиванию <...>

Понедельник, 21 октября. Если бы я когда-нибудь кем-нибудь должен был стать, идеалом для меня было бы стать министром культуры Германии: школьное образование, театры, университеты, печать, церковь. Из нынешнего министерства культуры я бы выделил медицинские дела (в отдельное министерство здравоохранения), и, наоборот, добавил бы в него ведомство печати (Presse-Amt). Университеты основательно проветрить, церковь отправить в пустыни, театры национализировать, прежние органы печати заменить другими, куда я наберу новых журналистов. Музеям придать новое направление, не столько историческое, сколько духовное, заботу о памятниках изъять из их ведения. Организация выставок, международные контакты с продвижением совместных исследований.

Хождение за паспортом. На завтрак с Шулером³¹. Он совершенно разбит, видит дело всей своей жизни в руинах, с тоской вспоминает о столярной ма-

стерской в маленьком поместье под Брегенцем³², — это до сегодняшнего дня одно из высших должностных лиц внешнеполитического ведомства.

Рассказываю ему, что Москва политически очень важная почва, доказательно, с привязками к цене всего этого <...> Он сознается мне, что суть всех этих вещей выше его понимания.

Некомпетентность старой системы?

Дивится тому, что я рассказываю ему о Москве, о почве высокой политической важности. <...> Всё еще в замешательстве, полон гнева, что военные настолько обанкротились. То, что мы можем проиграть войну, еще можно было теоретически предполагать еще до этого. Но чтобы мы проиграли ее вот так — нет! Уже предложил мне поступить на службу в МИД, шутливо — сделать меня асессором в любой из земель Германии. Дело лишь за бумагами. <...>

Народ всё еще шутит иногда, не в состоянии постичь весь пафос положения: например, почему Гинденбург — это солнце нации? Он восходит на востоке и закатывается на западе <...> Что касается примечания: открыть «ящик с чувствами» и найти нужный прием. Неистребимый цинизм. — На улицах оживленное движение. Военные, девушки, рабочие. Электрические перегрузки, всё в порядке, даже если слышен гул.

<...> В этой обанкротившейся Германии повсюду нет самого важного: оно встречается только у старшего поколения, которое уже одной ногой в могиле.

Вечером с Вертхаймером³³ о его отъезде. Он слышал, что образуется антибольшевистский фронт «от Вестарпа³⁴ до Шейдемана³⁵» <...> Этого еще не хватало! Некоторые говорят о том, что Иоффе депортируют³⁶. <...> Упрямство, смятение, беспомощность! Нигде нет ни ясного видения, ни твердой воли. Повсюду тоска по сильному человеку, Бисмарку, Лассалю <...>

Всё это в целом, со всеми своими частностями, какой-то роман ужасов, только не вымышленный. Сейчас фактически погибает старое германское имперство, как прусское, так и австрийское. Сейчас снова воплощается 1806 год³⁷; обрубаются последние побеги средневековья. Австрия разваливается, и мы еще не знаем, войдет ли немецкая Австрия в империю или объединится с Баварией. Для будущих историографов предвоенный промышленно-технический и экономический расцвет покажется, может быть, началом этого распада. Сумерки Западной Европы. Новые народы на Востоке и на Дальнем Востоке, а также на дальнем Западе. Рах Americana.

Вторник, 22 октября. Речь канцлера в рейхстаге, в вечерних газетах, производит впечатление какой-то бесцветной. Заседание, похоже, прошло без сенсаций. Что сделали бы из этого заседания в России, во Франции! У немцев ни пафоса, ни темперамента. — Вечером у телеграфа в русском посольстве, но Радека нет на месте. Звонят колокола собора, иду на богослужение. Литургия. Речь Дриандера³⁸, старого начетчика и фарисея, к «Императрице, госпоже германского народа»! Наверное, в последний раз. Со всеми этими реквизитами придворно-протестантского вероисповедания.

Покидаю, как поется, «Они [враги] оставляют Слово несокрушенным»³⁹, — как свой первый — и незабываемый — дом. <...>

Среда, 23 октября. <...> Утром меня посещает Штадтлер⁴⁰, который рассказывает о своей деятельности как агитатора, о планах по основанию Советов: в социалистическом лагере и в лагере Центра <...>. Я говорю ему, что мне всё очень нравится, только подозрительно, что идея исходит от Центра <...> Вскоре после этого встречаю тайного советника Шенка (Geh. Postrat Schenk), ранее [виделись с ним] в Москве. Долгий разговор на ходу, из которого становится заметно, как высшее чиновничество относится к перевороту, — оно ужасно боится вероятности, что дела могут пойти еще более непредсказуемо. Беспомощное ожидание, — что же теперь будет. Их престарелые превосходительства трясутся.

В русском посольстве с Якубовичем⁴¹. Несколько минут разговариваю с Шейдеманом в имперском министерстве внутренних дел. Дает мне [визитную] карточку для вечерней встречи. Обед с Висснером (Wiessner) у Хауссмана (Hausmann), прогуливаемся при хорошей погоде до рейхстага.

<...> Исторический вечер в Германском рейхстаге, один из ужаснейших в современной германской истории, где один за другим поляк Корфанты⁴², эльзасец (Риклин⁴³) и датчанин (Хансен⁴⁴) заявляют, что они, отзываясь на провозглашенное Вильсоном право наций на самоопределение (которое сейчас разорвет Европу на атомы), выходят из Германской империи. После этого предостерегающая, но, к сожалению, сухая речь старого государственника графа Посадовского⁴⁵. Наконец, острая короткая перепалка между Вестарпом и Пайером⁴⁶. — Темпераментно выступил от лица фракции Ледебур⁴⁷, старый седой забияка. Возвращаясь домой, уже в темноте, вижу полицейское оцепление у Бранденбургских ворот. <...>

Пятница, 1 ноября. Много дел в отделе печати. Вечером в 6 к Радеку, он как раз уезжает на митинг <...>

Кстати, из Москвы многое происходящее в Берлине выглядит гораздо более спокойно. Там час от часу тревоги, сенсации, листовки, меморандумы, заседания, программные и революционные сдвиги, — борьба, которая пока хотя и не изменила в общем ситуацию в городе, но в любой момент может привести к взрыву. Здесь Берлин кажется невозмутимым и неподвижным. Если люди верят, что мы еще продержимся какое-то время, то они еще не знают наших потерь. <...>

Суббота, 2 ноября. <...> Радек в восторженном возбуждении <...> Мир грозит. Ленин сам говорил: мы сейчас на гребне волны, которая может в одно мгновение вознести нас ввысь, и уже в следующее низвергнуть глубоко вниз; но и из самой глубокой низины мы снова вознесемся вверх, теперь мы еще повоюем. — Грозное и героическое настроение в этом крушении старого мира. Иду вдоль Кремлевской стены, где сейчас устроены могилы, покрытые газон: на одной из старых оборонительных башен вывешено гигантское красное

полотнище. На зубцах стен сидят галки, на башнях стоят леса, над аркой закрытых ворот горит вечная лампада, и в часовне с ее стороны, словно рождественские огни, поблескивают золоченые иконы. Холодно и туманно. Я иду по набережной. Туман опустился на весь город, звонят колокола: складываю руки в [молитвенном] смирении <...>

Воскресенье, 3 ноября. <...> Изречение Ленина: Мы на волне. Сегодня поднимаемся вверх, завтра опускаемся вниз, но снова поднимемся. Радек считает, если не наступит мир, то беспорядки будут уже в январе. В противном случае — в марте. Ожидают генеральский путч в Германии. Из того, что ожидается депортация Иоффе, делают вывод о ведущейся антибольшевистской пропаганде. — Характерный знак в Англии: половина парламента (запрос в Палате общин) занимается противодействием профсоюзной пропаганде. Италия, считает он, будет следующей, негодование германской прессы по поводу «предательства» Австрии. Как если бы социологические факты можно было измерить моральными мерками<...> Радек сообщает Владимиру Ильичу [Ленину] по телефону новости, которые я привез о Северной армии⁴⁸, о настроениях и радикальных предложениях (например, Керна⁴⁹) в Берлине.

Я испытываю страх за революцию здесь... Почему этот интерес? Разве я не буржуа и разве не был им всегда? Но в действительности разве не прихожу я из ремесленников, из маленьких людей, из рабочего народа, и только воображаю, что это не так?

Я же не испытываю симпатии к тупой себялюбивой своре, которая толстыми локтями преграждает путь другим и не заботится о тех, кто пытается подняться вверх, а только давит их? Разве не отношусь я и сам к отвергнутым и оскорбленным? Разве не обязан я тем, что до сих пор еще удерживается равновесие, лишь божественному духу, умственному усилию, покою или беспокойству в Боге? А вовсе никаким не людям, помимо ближайших моих родственников? Зачем становиться сопричастным? Почему не предпочесть страдать, нежели не исповедовать истину?

В гениальности всегда есть немного идиотизма: в нем залог ее упоительности. <...>

Вторник, 5 ноября. <...> Вечером у Радека, где я сначала встречаю Хаушильда⁵⁰, а затем только что прибывшего из Берлина или, точнее, из двухлетнего лагеря для интернированных в Хафельберге⁵¹ доктора Мархлевского⁵².

Украшение города в самом разгаре. Сегодня за столом было трудно не ввязаться в склоку с простодушными соотечественниками по вопросу о том, прекрасно или отвратительно всё это <...> Они объявили это бессмысленным и ополчились на меня, потому что я смею не считать это ни бессмысленным, ни безобразным, — но красивым, остроумным, талантливым, в высшей степени занимательным <...> Сейчас в центре города развеваются красные флаги, установлены новые широкие транспаранты, воздух пронизывают мощные лучи света симметрично драпированным красным фасадам: «Крестьянин дает рабочему

хлеб — Рабочий дает крестьянину плуг; революция дает народу власть» <...> Трибуны сейчас футуристически расцвечены сочными яркими красками и смелыми мазками <...> На «Метрополе» сверху гигантский транспарант: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» <...> Темнеющие изображения. На классическом здании справа от театра фантастическое изображение разбойника Стеньки Разина и его сподвижников на крутобоком корабле <...>

Перевод с немецкого, статья и комментарии А. И. Богомолова.

¹ Вёльфинг В. Москва 1918 г. Цит. по: Баранов Н. Первая мировая война и Русская революция в воспоминаниях немецкого офицера Вильгельма Вёльфинга // *Quaestio Rossica*. 2017. Т. 5. № 3. С. 791.

² Козонкова О. В. Революционная Россия глазами западноевропейского интеллектуала: «Письма из Москвы» (1918) Альфонса Паке // *Известия Саратовского университета. Новая сер. Сер. Филология. Журналистика*. 2012. № 1. С. 100.

³ Там же. С. 101.

⁴ Цит. по: Там же. С. 100.

⁵ Baumgart W. Vor fünfzig Jahren — Oktober 1918: Eine Dokumentation. [Bonn / Rhein], 1968. (Aus Politik und Zeitgeschichte. 1968. N43); Von Brest-Litovsk zur deutschen Novemberrevolution. Aus den Tagebüchern, Briefen und Aufzeichnungen von Alfons Paquet, Wilhelm Groener und Albert Hopman, März bis November 1918 / Hrsg. von W. Baumgart. Göttingen, 1971.

⁶ Карл Бернгардович Радек (Кароль Собельсон, нем. Karol Sobelsohn) (1885–1939) — советский политический деятель, видный деятель международного социал-демократического и коммунистического движения; с ноября 1917 г. — заведующий отделом внешних сношений ЦИК, член коллегии НКВД РСФСР, начальник центральноевропейского отдела НКВД РСФСР; член советской делегации на переговорах в Брест-Литовске; в декабре 1918 г. направлен в Германию для поддержки революции; в феврале 1919 г. арестован и посажен в тюрьму Моабит по обвинению в организации спартаковского восстания в Берлине, в январе 1920 г. освобожден. В 1919–1924 гг. — член ЦК РКП(б); в 1920–1924 — член Исполкома Коминтерна, сотрудник газет «Правда» и «Известия».

⁷ Пауль Рорбах (Karl Albert Paul Rohrbach) (1869–1956) — немецкий публицист, автор геополитической концепции разделения Российской империи; в годы I Мировой войны Рорбах работал в новостном бюро Морского министерства (до мая 1915 г.), затем перешел на должность начальника отдела вражеской и нейтральной прессы в Иностранном отделе Верховного главнокомандования (до начала 1917 г.). Издавал в Веймаре журнал «Увеличивающаяся Германия» (1914–1915), сотрудничал в журнале «Германская политика» (1916–1918).

⁸ Политика расчленения Российской империи с отделением от нее областей с преимущественно нерусским населением и формированием «лимитрофов» (Randstaaten), называемая так по имени пропагандировавшего ее публициста, выходца из прибалтийских немцев Пауля Рорбаха. В 1917 г. он опубликовал работу под названием «Unser Kriegsziel im Osten und die russische Revolution», где изложил те цели, которых Германия должна добиться, используя войну и русскую революцию.

⁹ «Militaerischen Stelle des Auswaertigen Amtes» (Verbindungsstelle der Obersten Heeresleitung beim AA) — «Военный отдел Министерства иностранных дел» (с июня 1918 г. — Иностраннный отдел Верховного главнокомандования). Его главной задачей было распространение военных и общих пропагандистских материалов за границей в нейтральных странах.

¹⁰ Вильгельм Вёльфинг (Wilhelm Woelfing) (1883–1972) — в 1918 г. начальник московского филиала Иностранного отдела Верховного главнокомандования.

- ¹¹ С начала сентября 1918 г. в советской прессе писали о предполагаемых связях патриарха Тихона (Белавина) с раскрытым заговором агентов Антанты против советского правительства.
- ¹² Георгий Васильевич Чичерин (1872–1936) — заместитель наркома по иностранным делам РСФСР (январь–май 1918), нарком по иностранным делам РСФСР и СССР (1918–1930).
- ¹³ Анжелика Исааковна Балабанова (1878–1965) — с 1912 г. член ЦК Итальянской социалистической партии. Была редактором газеты *Avanti!* Летом 1917 г. вернулась в Россию. С 1918 г. вступила в РСДРП(б). В 1918 г. Балабанова занимала пост помощника Председателя СНК Советской Украины Х. Раковского. Была членом Исполкома и секретарем Коминтерна, участвовала в подготовке I и II конгрессов Коминтерна. В 1922 г. из-за несогласия с тактикой руководителя Коминтерна Г. Е. Зиновьева оставила работу в нем и уехала в Италию.
- ¹⁴ Адольф Абрамович Иоффе (1883–1927) — советский дипломат и партийный деятель. С 20 ноября 1917 до января 1918 г. — председатель (затем член и консультант) советской делегации на переговорах о мире с Германией в Брест-Литовске. В апреле–декабре 1918 г. полпред РСФСР в Германии.
- ¹⁵ Фридрих Эберт (Friedrich Ebert) (1871–1925) — немецкий социал-демократ, один из ведущих деятелей СДПГ, лидер ее правого, «ревизионистского» крыла; первый рейхсканцлер Германии после Ноябрьской революции 1918 г., первый президент Германии (Веймарская республика, 1919–1925 гг.). Вплоть до 9 ноября 1918 г. Ф. Эберт отказывался входить в состав правительства принца Макса Баденского.
- ¹⁶ Арсений Николаевич Вознесенский-Владимиров (1881–1937) — китаист, японовед, российский и советский дипломат. До революции сотрудник МИД, вице-консул в Шанхае (1913–1915); в 1917–1920 гг. — заведующий Восточным отделом в НКВД РСФСР. Первый полномочный представитель Советской России в Китае. В 1919 г. подвергнут кратковременному аресту (как член партии эсеров). В начале 1920-х гг. зав. информационным отделом Азербайджанского ревкома. Работал корреспондентом ТАСС в Японии. Сотрудник Крестинтерна. Репрессирован в 1937 г. Реабилитирован в 1962 г.
- ¹⁷ Вацетис Иоаким Иоакимович (1873–1938) — советский военачальник. Один из руководителей подавления левозероовского мятежа в Москве в июле 1918 г. С июля 1918 г. — командующий Восточным фронтом; с 1 сентября 1918 по 9 июля 1919 г. — главнокомандующий всеми Вооруженными Силами РСФСР.
- ¹⁸ 4 октября 1918 г. кайзеровское правительство под впечатлением ситуации на фронте (общее наступление союзников во Франции, капитуляция Болгарии и угроза выхода сил Антанты в тыл Австро-Венгрии) запросило мира, обратившись к правительству США с предложением о начале мирных переговоров на основе «14 пунктов» президента Вильсона. Это открытое признание поражения деморализовало немецкую армию и тыл. Однако Вашингтон не давал ответа, что ставило кайзера в унижительное положение. Для того чтобы угодить американцев, кайзер сменяет генерал-квартирмейстера (начальника Генерального штаба) Эриха Людендорфа, заменив его «паркетным генералом» Грёнером. Канцлером был назначен либерал принц Максимилиан Баденский, который вводит в правительство социал-демократов. Это не смягчило Антанту, но выилось наглядным признаком агонии кайзеровского режима. 30 октября капитулирует Турция. 3 ноября в Падуе капитулирует последний союзник Германии — Австро-Венгрия. 5 ноября фронт немцев был прорван, и 6 ноября началось общее отступление немецких войск. 8 ноября в Компьенский лес под Парижем прибыла германская делегация для переговоров о перемирии (фактически об условиях капитуляции Германии). Перемирие было подписано 11 ноября уже с представителями республиканского правительства.
- ¹⁹ Курт Рицлер (Kurt Riezler) (1882–1955) — германский дипломат и философ. Автор Сентябрьской программы 1914 г., в которой изложил немецкие цели во время Первой мировой войны: ограниченные аннексии, тяжелые условия мира для Франции, статус

Бельгии как подчиненного Германии государства. Был свидетелем убийства посланника Мирбаха левыми эсерами 6 июля 1918 г.; после убийства Мирбаха стал немецким поверенным в делах в Москве. Во второй половине 1918 г. — советник германской миссии в Москве.

²⁰ Г. Герварт фон Биттенфельд (Herwarth von Bittenfeld) — подполковник германской армии, до 1913 г. — военный атташе Германии в США, в 1918 г. — руководитель отдела в Военном ведомстве печати Отдела военной разведки Генерального штаба (Abteilungsleiter in der Nachrichtenabteilung IIIb des Stellvertretenden Generalstabs).

²¹ Lever en masse (фр.) — «подъем масс». В то время этот тезис пропагандировался Вальтером Ратенау как ответ на требования президента США Вудро Вильсона.

²² Карл-Генрих фон Штюльпнагель (Karl-Heinrich von Stülpnagel) (1886–1944) — в 1918 г. офицер германского Генерального штаба, руководитель Иностранного отдела Верховного главнокомандования.

²³ Дядя Альфонс Паке, офицер медицинской службы; позднее — профессор физиологии в Грейфсвальде.

²⁴ Барон Филипп Альфонс Мумм фон Шварценштайн (Philipp Alfons Freiherr Mumm von Schwarzenstein) (1857–1924) — немецкий политический и государственный деятель, дипломат. Был на дипломатической службе с 1885 по 1918 г. С 1917 по 1918 — посол Германии в Киеве. Отказался вернуться на свой пост в Киев, мотивировав свой отказ тем, что из-за опасности убийства его свобода передвижения была крайне ограничена.

²⁵ Варнеке (Warnecke) — майор в Военном ведомстве печати (Kriegspresseamt) (в составе отдела III-b германского Генерального штаба).

²⁶ Георг Гервер (Georg Friedrich Rudolph Theodor Herwegh) (1817–1875) — немецкий революционно-демократический поэт и публицист, участник революции 1848 г. в Германии.

²⁷ Эдуард Давид (Eduard Heinrich Rudolph David) (1863–1930) — экономист, один из лидеров правого крыла германской социал-демократии; один из основателей журнала *Sozialistische Monatschaefit*; в 1903–1918 и 1920–1930 гг. — депутат рейхстага, лидер социал-демократической фракции; в 1917–1918 гг. — участник германской делегации на переговорах в Брест-Литовске. В октябре 1918 г. вошел в правительство Макса Баденского в качестве младшего статс-секретаря в министерстве иностранных дел.

²⁸ Фриц Варбург (*Fritz Warburg*) (1879–1964) — немецкий финансист еврейского происхождения, глава еврейской общины Гамбурга. Заместитель директора гамбургского банка «М. М. Варбург & К^о», младший брат крупных американских и немецких финансистов Пола, Феликса и Макса Варбургов, искусствоведа Аби Варбурга.

²⁹ Аллея Победы (Siegessallee) — знаменитый в свое время бульвар в берлинском парке Тиргартен, построенный в 1895–1901 гг. по приказу кайзера Вильгельма II. Соединял площадь Кёнигсплац (ныне площадь Республики) с находившейся еще на старом месте колонной Победы. На бульваре были установлены 32 мраморных памятника всем марграфам, курфюрстам Бранденбурга и королям Пруссии, правившим с 1157 по 1888 г., начиная от Альбрехта Медведя и заканчивая Вильгельмом I. Каждую скульптурную группу помимо памятника самому правителю составляли два бюста личностям, прославившимся во времена его правления. В 1904 г. Зигесаллее пополнилась скульптурой принца Вильгельма Прусского, будущего первого кайзера Германии. Монументальный бульвар вызвал многочисленные споры, Вильгельм II подвергся критике за прославление Гогенцоллернов и возвышение их роли в Германской империи. Берлинцы прозвали бульвар «Кукольной аллеей». Во время Ноябрьской революции некоторые скульптуры получили повреждения. На многих пьедесталах появились надписи красной краской «Угнетатели народа» и «Солдаты, не убивайте!». Независимая Социал-Демократическая партия Германии выступала в Советах рабочих и крестьянских депутатов за снос скульптур, но социалистам удалось сохранить Зигесаллее.

³⁰ Колонна Победы (Siegessäule) — памятник в центре Берлина в Тиргартене на площади Кёнигсплац (в 1938–1939 гг. перенесен на площадь Большая Звезда). Построен по про-

- екту архитектора Г. Штрака в 1864–1873 гг. как национальный памятник объединительным войнам Германии. Три военные победы Пруссии (в войне с Данией в 1864 г., в войне с Австрией в 1866 г. и в войне с Францией в 1870–1871 гг.) нашли свое отражение в трех изначальных сегментах колонны и бронзовой скульптуре богини Виктории на ее вершине. Церемония открытия колонны состоялась на площади Кёнигсплац 2 сентября 1873 г., в День Седана, третью годовщину капитуляции Франции после битвы при Седане. В каннелюрах трех нижних сегментов колонны установлены 60 покрытых золотом трофейных пушечных стволов: в самом низу — датских, добытых в 1864 г., выше — австрийских 1866 г. и еще выше — французских 1870 г. Общая высота колонны Победы, включая статую, составляет 66,89 м.
- ³¹ Э. Шулер (E. Schueler) — референт по персоналу в германском МИД.
- ³² Брегенц (нем. Bregenz) — город на западе современной Австрии на берегу Боденского озера.
- ³³ Фриц Вертхаймер (Fritz Wertheimer) (1884–1968) — с октября 1918 по 1933 г. — генеральный секретарь Германского иностранного института в Штутгарте (DAI — Deutschen Auslandsinstitut in Stuttgart, с 1949 г. IFA — Institut fuer Auslandsbeziehungen — Институт международных отношений). Этот институт — учреждение международного культурного обмена. Основан в 1917 г. как «мирное дело в разгар войны». Главными задачами были поддержка немцев за рубежом, организация выставок, пресс-служба, ведение архива по зарубежной культурной политике.
- ³⁴ Куно Фридрих Виктор Граф фон Вестарп (Kuno Graf von Westarp) (1864–1945) — немецкий консервативный политик, в 1913–1918 гг. депутат рейхстага от Силезии, лидер фракции Немецкой консервативной партии в рейхстаге. После германской революции 1918–1919 гг. — один из членов-учредителей немецкой Национальной народной партии, участник капповского путча.
- ³⁵ Филипп Генрих Шейдеман (Philipp Heinrich Scheidemann) (1865–1939) — немецкий политик, социал-демократ, провозгласивший Германию республикой 9 ноября 1918 г. (в результате Ноябрьской революции), первый премьер-министр Веймарской республики (канцлер).
- ³⁶ 28 октября 1918 г. состоялось совещание с участием представителей правительства Макса Баденского и политических партий, которое обсудило вопрос об отношениях Германии с Советской Россией и возможность их разрыва. 4 ноября 1918 г. прибывший из Москвы в Берлин дипкурьер был задержан на вокзале транспортной полицией; позже появилась версия о наличии листовок в его багаже. 5 ноября 1918 г. полпред РСФСР А. А. Иоффе был вызван в МИД, где от него потребовали на следующий день покинуть Германию вместе со всем составом полпредства; утром 6 ноября все сотрудниками полпредства выехали на вокзал. Об истории подготовки провокации с листовками рассказал в своих мемуарах один из лидеров социал-демократической партии — Ф. Шейдеман. По его словам, 28 октября 1918 г. канцлер Макс Баденский обратился к нему за советом, какой предлог можно было бы избрать для разрыва дипломатических отношений с Советской Россией. Шейдеман предложил два варианта. Первый заключался в том, чтобы организовать нападение на советское полпредство и там добыть документы, доказывающие факт ведения полпредством большевистской пропаганды в Германии. По второму варианту предполагалось, что носильщики на вокзале уронят при переноске ящик с советским дипломатическим багажом на каменную лестницу так, чтобы он наверняка раскололся. «Оттуда, — пишет Шейдеман, — посыпались бы листовки; тогда у нас появились бы доказательства, что посольство в недозволенных целях использует экстерриториальность, и можно было бы сделать соответствующие выводы». Был принят второй вариант. (См.: *Шейдеман Ф.* Крушение Германской империи. М.; Пг., 1923.)
- ³⁷ В 1806 г. в результате поражения в наполеоновских войнах состоялся распад Священной Римской империи германской нации, существовавшей с 962 по 1806 г.

- ³⁸ Эрнст Дриандер (Ernst Dryander) (1843–1922) — немецкий богослов и политик, пастор в Берлинском (лютеранском) кафедральном соборе, придворный проповедник.
- ³⁹ Цитата из кантаты BWV 80 И. С. Баха «Ein' feste Burg ist unser Gott», 18-й хорал: «Das Wort Sie sollen lassen stahn».
- ⁴⁰ Эдуард Штадтлер (Eduard Stadtler) (1886–1945) — немецкий ультраправый политик, публицист и издатель. По профессии школьный учитель. Видный деятель Католической партии Центра. Участник Первой мировой войны на Восточном фронте. Активист политической борьбы периода Ноябрьской революции, один из организаторов убийства Розы Люксембург и Карла Либкнехта. Основатель антикоммунистических организаций Веймарской Германии. Руководитель праворадикальных политических кампаний. Депутат рейхстага от Немецкой национальной народной партии. В 1917 г. попал в русский плен, выучил русский язык. Весной 1918 г. был руководителем пресс-службы консульства Германии в Москве. Утвердился в крайне правых политических убеждениях, проникся ненавистью к большевизму. Выступал за вмешательство Германии в российскую гражданскую войну на стороне антибольшевистских сил. Вернувшись в Германию, 1 ноября 1918 г. выступил в большом зале Берлинской филармонии с лекцией «Большевизм как всемирная опасность». В декабре 1918 г. основал Антибольшевистскую лигу. Эта организация оказала активную организационную, финансовую и агитационную поддержку фрайкорам в ходе революционных событий 1918–1919 гг. Штадтлер создал в 1919 г. Генеральный секретариат по изучению и борьбе с большевизмом, ставший центром консолидации германских антикоммунистических сил. Лига и Секретариат организовали массовый выпуск антикоммунистических печатных материалов и проведение публичных мероприятий.
- ⁴¹ И. С. Якубович (?–1937) — второй секретарь полпредства РСФСР в Берлине (1917–1930).
- ⁴² Войцех (Адалберт) Корфанты (польск. Wojciech Korfanty) (1873–1939) — польский государственный и политический деятель, публицист, депутат Рейхстага Германской империи (1903–1912, 1918) и прусского Ландестага (1903–1918), лидер польской фракции в Рейхстаге. 25 октября 1918 г. демонстративно вышел из состава Рейхстага, потребовав присоединения к польскому государству всех польских земель, отошедших к Пруссии в результате разделов Польши, а также Верхней Силезии. В 1918–1919 гг. был членом Верховного народного совета Великопольши в период Великопольского восстания. В 1919–1920 гг. был польским комиссаром по проведению плебисцита в Прусской Силезии. После неблагоприятных для поляков результатов плебисцита инициировал и возглавил Третье Силезское восстание, добившись присоединения Верхней Силезии к Польше.
- ⁴³ Эжен Риклин (Dr. Eugen Ricklin) (1862–1935) — практикующий врач; популярный эльзасский политик, известный своей резкой оппозицией как немецкой, так и французской ассимиляционной политике в Эльзасе; депутат Рейхстага от Католической партии Центра (1903–1918), депутат Эльзас-Лотарингского ландестага (1900–1918). Добивался предоставления Эльзасу-Лотарингии автономии в составе Германской империи. Такую автономию кайзеровское правительство Макса Баденского предоставило только в октябре 1918 г., когда территорию Эльзаса уже оккупировали французские войска.
- ⁴⁴ Ханс Петер Хансен (Hans Peter Hanssen) (1862–?) — датчанин; депутат Прусского ландестага (1896–1906), депутат Рейхстага от Шлезвиг-Гольштейна (1906–1918), беспартийный. Издатель исторического журнала *Sønderjydske Aarbøger* (с 1889 г.), редактор газеты *Hejmdal* (с 1893 г.), директор издательства (с 1901 г.).
- ⁴⁵ Артур Граф фон Посадовский-Венер (Dr. Arthur von Posadowsky-Wehner) (1845–1932) — германский политический и государственный деятель, депутат Рейхстага (1912–1918), депутат Прусского ландестага (1882–1885) от свободных консерваторов, статс-секретарь имперского казначейства (1893–1897). В 1919–1920 гг. в Веймарском национальном собрании — председатель фракции вновь основанной Немецкой национальной народной

- партии (DNVP). Несмотря на то что был противником республиканского строя, не поддержал капшовский путч и критиковал его участников. В 1919 г. был выдвинут от Немецкой национальной народной партии кандидатом на пост рейхспрезидента, но проиграл Ф. Эберту.
- ⁴⁶ Фридрих фон Пайер (Friedrich von Payer, Dr.) (1847–1931) — заместитель рейхсканцлера (ноябрь 1917–1918), адвокат в Штутгарте (1871–1913), в 1894–1912 гг. — член Вюртембергской палаты депутатов, 1895–1912 гг. — президент Вюртембергской палаты депутатов, депутат Рейхстага по вюртембергскому избирательному округу от Прогрессивной народной партии (Fortschrittliche Volkspartei) (1877–1878, 1880–1887, 1890–1917).
- ⁴⁷ Георг Ледебур (Georg Ledebour) (1850–1947) — политик, лидер левого крыла германских социал-демократов. С октября 1900 по ноябрь 1918 г. — депутат рейхстага от социал-демократов. Редактор социал-демократических газет *Demokratische Blätter*, *Berliner Volkszeitung*, *Vorwärts*, *Sächsische Arbeiterzeitung*. С 1914 г. — противник войны, сторонник социалистической революции, один из основателей Независимой социал-демократической партии. Приветствовал Ноябрьскую революцию 1918 г. Отказался войти в республиканское правительство из-за невозможности реализовать в нем партийную программу. В январе 1919 г. участвовал в социалистическом восстании; был арестован по обвинению в «участии в мятеже и насильственных действиях»; оправдан в июне 1919 г.
- ⁴⁸ Белая армия, формировавшаяся при германской поддержке в Прибалтике. В соответствии с советско-германским соглашением, подписанным в Вильно 15 сентября 1918 г., Псков и Псковская губерния подлежали очищению от германских оккупационных войск и передаче после их ухода непосредственно советским властям. В нарушение принятых обязательств германское командование 9 октября 1918 г. заключило с представителями русских белогвардейцев соглашение о формировании так называемой Северной армии (см.: Телеграмма Народного Комиссара иностранных дел Полномочному Представителю РСФСР в Германии. 26 октября 1918 г. № 550. // Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1959. С. 540–541).
- ⁴⁹ Фриц Керн (Max Friedrich Ludwig Hermann Kern) (1884–1950) — немецкий историк и публицист. С 1914 г. — профессор средневековой и новой истории Франкфуртского университета. С 1914 по 1918 г. работал в министерстве иностранных дел и Генеральном штабе в Берлине, в 1918–1919 гг. участвовал в публикациях гросс-адмирала фон Тирпица. В октябре 1918 г. требовал замены тогдашнего состава правительства на блок Эберта–Шейдемана–Давида и отставки кайзера.
- ⁵⁰ Герберт Хаушильд (Herbert Hauschild) (1880–1928) — германский дипломат, советник германского посольства в Москве.
- ⁵¹ Хафельберг (Гавельсберг) (нем. Havelberg) — город на северо-востоке Германии, расположен в земле Саксония-Анхальт.
- ⁵² Юлиан-Бальтазар Юзефович Мархлевский (польск. Julian Baltazar Marchlewski) (1866–1925) — польский коммунист, деятель Коминтерна. Соратник Розы Люксембург и Яна Тышки, один из основателей Социал-Демократии Королевства Польского и Литовского (1893). Редактор газет *Czerwony Sztandar*, *Przegląd Socjalistyczny* и *Sprawa Robotnicza*. После 1905 г. жил в основном в Германии, где примыкал к левому крылу СДПГ. Один из основателей Союза Спартака. В 1915 г. арестован немецкими властями за антивоенную пропаганду и помещен в концлагерь. В мае 1918 г. по настоянию советского полпреда освобожден и выехал в Советскую Россию. Участвовал в организации Коминтерна и МОПРа. В сентябре–октябре 1919 г. от имени советского правительства вел переговоры с представителями Ю. Пилсудского о приостановке военных действий между Красной Армией и поляками, которая позволила Красной Армии разбить А. И. Деникина.

References

BARANOV N. *Pervaya mirovaya vojna i Russkaya revolyuciya v vospominaniyah nemeckogo oficera Wil'gel'ma Wel'finga* [The first world war and the Russian revolution in the memoirs of a German officer Wilhelm Woelfing] // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. N3. S. 779–804. DOI 10.15826/qr.2017.3.250.

BODROV A. V. *Ehl'zas-lotaringcy mezhdru Franciej i Germaniej nakanune i v gody Pervoj mirovoj vojny* [Alsace-Lorraine between France and Germany before and during the First world war] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 2014. Ser. 6. Vyp. 4. S. 157–167.

KOZONKOVA O. V. *Revolucionnaya Rossiya glazami zapadnoevropejskogo intellektuala: «Pis'ma iz Moskvy» (1918) Al'fonsa Pake* [Revolutionary Russia through the eyes of Western intellectuals, «Letters from Moscow» (1918) by Alphonse Paquet] // *Izvestiya Saratovskogo universiteta*. Novaya seriya. Seriya «Filologiya. Zhurnalistika». 2012. N1. S. 98–106.

PAQUET A. *Skovannyj gorod* [Shackled city] // *Glazami inostrancev. 1917–1932. M., 1932.*

SOKOLOV V. V. *Deyatelnost' sovetskogo posol'stva v Berline. 1918–1941 gody* [The activities of the Soviet Embassy in Berlin. 1918–1941 years] // *Novaya i novejschaya istoriya*. 2006. N2. S. 102–121.

BAUMGART W. *Vor fünfzig Jahren – Oktober 1918: Eine Dokumentation*. [Bonn / Rhein], 1968.

Список литературы

Баранов Н. Первая мировая война и Русская революция в воспоминаниях немецкого офицера Вильгельма Вельфинга // *Quaestio Rossica*. 2017. Т. 5. № 3. С. 779–804. DOI 10.15826/qr.2017.3.250.

Бодров А. В. Эльзас-лотарингцы между Францией и Германией накануне и в годы Первой мировой войны // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. 2014. Сер. 6. Вып. 4. С. 157–167.

Козонкова О. В. Революционная Россия глазами западноевропейского интеллектуала: «Письма из Москвы» (1918) Альфонса Паке // *Известия Саратовского университета*. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. 2012. № 1. С. 98–106.

Паке А. Скванный город // *Русская жизнь*. 2008. № 35 (сентябрь).

Соколов В. В. Деятельность советского посольства в Берлине. 1918–1941 годы // *Новая и новейшая история*. 2006. № 2. С. 102–121.

Baumgart W. *Vor fünfzig Jahren – Oktober 1918: Eine Dokumentation*. [Bonn / Rhein], 1968.

A. И. Богомолов. Советско-германские отношения осенью 1918 г. глазами немецкого журналиста в Москве и в Берлине

Комментированный перевод дневниковых записей немецкого писателя и журналиста Альфонса Паке (1881–1944), который в 1918 г. был специальным корреспондентом газеты *Frankfurter Zeitung* в Москве.

Ключевые слова: источники, 1918 г., советско-германские отношения, советская Россия, Германия, революция 1918 г. в Германии.

A. I. Bogomolov. Soviet-German relations in the autumn of 1918 through the eyes of German journalist in Moscow and Berlin

Annotated translation of the diaries of the German writer and journalist Alfons Paquet (1881–1944), who in 1918 was a special correspondent of the newspaper *Frankfurter Zeitung* in Moscow.

Key words: sources, 1918, Soviet-German relations, Soviet Russia, Germany, revolution of 1918 in Germany.

Богомолов, Алексей Иванович — канд. ист. наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

Bogomolov, Alexey Ivanovitch — Ph. D., researcher, St Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences.

E-mail: iohannes@yandex.ru